

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

Ю.П. Михаленко

ТЮРГО: НАИВЫСШИЙ ВЗЛЁТ АКТИВНОСТИ ФИЛОСОФОВ-ЭКОНОМИСТОВ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII века.

Часть 1

Аннотация. Тюрго стал завершителем социальной и экономической программы буржуазных новаторов, развивавших в условиях перезревшего феодализма буржуазные взгляды. Новаторы действовали в рамках французского просвещения. Они подготовили идеологически революцию 1789 г. Тюрго поднял до наивысшего уровня экономическую теорию физиократического направления, предвосхитив в ряде отношений учение Адама Смита, в частности — в подходе к началам трудовой теории стоимости, в характеристике взаимодействия и круговорота национальных капиталов в сельском хозяйстве, торговле, ссудном деле и прочем. На посту министра финансов Тюрго решительно внедрял в жизнь рыночные меры свободы предпринимательской деятельности, преодолевая сопротивление адептов старого режима. В полемике между королём Людовиком и его министром финансов Тюрго по поводу проекта административной реформы обрисовалась расстановка классовых сил в предреволюционный период. После отставки Тюрго реакционеры поспешили ликвидировать все начатые им реформы. Революционеры 1789 года подхватили идеи Тюрго и проводили их в жизнь. Маркс недаром охарактеризовал Тюрго как великого человека, имея ввиду как его административную деятельность, так и его социальную и экономическую теорию. Тюрго и сейчас, в современной России, своими трудами помогает нам постигать непростые процессы рыночной экономики.

Ключевые слова: философия, Людовик XVI, Гурнэ, капитал, фермер, купец, ростовщик, банкир, Лютер, Данте, труд.

Приступим к основному тексту. Для начала мы охарактеризуем жизненный путь Тюрго, чтобы понять, при каких обстоятельствах сформировался его характер и как он пришёл к основному кругу своих идей. При написании этого раздела весомую помощь нам принесла содержательная статья профессора А. Онкена (1844-1911), одного из ведущих немецких экономистов своего времени и историков экономической мысли XIX в.¹

Тюрго, Анн (1727-1781) — младший сын парижского торгового судьи. Сначала он готовился к сану священника. И немало преуспел в этом. В 1749 г. его даже избрали приором (настоятелем) католической общины в Сорбонне. Это учреж-

дение возникло как богословская школа в XIII в. Позднее она разрослась в университет. Здесь существовал теологический факультет и католическая община. Тот факт, что Тюрго стал её настоятелем в столь юном возрасте — около 22 лет, указывает на быстрое духовное развитие молодого человека и раннее признание его зрелой учёности в религиозной среде.

Заметим, что профессия отца — торгового судьи во многом повлияла на дальнейшую судьбу его младшего сына. Даже чтобы быть приором, требовалось разбираться в вопросах канонического права. Это специальная область права, регулирующая отношения внутри религиозной общины и её отношения с окружающим миром. Видимо, семейное воспитание научило младшего сына кое-какой премудрости.

В качестве приора Тюрго читал в Сорбонне лекции, касающиеся истории христианской ре-

¹ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 663-822.

лигии и о благах, которые христианство принесло человечеству. В лекциях он развивал тему о совершенствовании человеческого духа с течением времени. Так постепенно сформировалась его концепция исторического прогресса. Тюрго стал одним из первых её пропагандистов. Внезапно Тюрго принял решение отказаться от продолжения духовной карьеры. Это случилось в 1751 г. Таким образом, на неё было потрачено около двух лет. Некоторые из его друзей передавали, будто он признавался им, что не в силах носить всю жизнь маску на лице. Как это понять? Тюрго определённо не был атеистом. По словам своего ближайшего друга и соратника Дюпона, Тюрго заверял его, что от творцов знаменитой французской энциклопедии, вроде Дидро, известных своим атеизмом, он отличается верой в Бога. Всё дело, видимо в том, что, изучая историю христианской церкви, Тюрго не мог не заметить резкого контраста между бедностью ранних христиан и алчностью позднейших церковников, между проповедью любви к ближнему и жестокостью инквизиторов. Отвращение у него вызывала и своекорыстная эксплуатация крепостных церковными магнатами. Всё подобное было в корне неприемлемо с мировоззренческих позиций Тюрго. Оттолкнуло его от профессии священника и то обстоятельство, что многие из известных ему служителей церкви были лицемерами, которые смотрели на церковную должность, как на заурядное средство существования, а в душе религиозных чувств не питали. В то время такова была расхожая практика. Тюрго поспешил удалиться из этой среды.

В качестве примера маловерия служителей церкви упомянем знаменитого ирландского сатирика Джонатана Свифта (1667-1745), который сурово высмеивал социальные нравы пуританской Англии. Но много ли читатель найдёт в его сочинениях религиозного пафоса?

Итак, Тюрго отказался от продолжения религиозной карьеры. Он перешёл на административную работу. В 1753 г. его назначили докладчиком в Государственном совете. В это же время он написал кое-какие статьи в Большую энциклопедию и успевал ещё переводить работы английских экономистов. В частности он перевёл важную работу о немалой пользе для Англии наехавших в неё протестантов, бежавших из других стран, в частности — из Франции, о плодотворности их труда в Англии и о целесообразности их натурализации, то есть предоставления им британского подданства. Эта работа служила обвинением фа-

натичной политики Людовика XIV, обрекая на изгнание по мотивам вероисповедания многие тысячи французов, весьма полезных для общества трудом рук своих.

В жизни Тюрго важную роль сыграла встреча с выдающимся администратором и экономистом Венсаном Гурнэ (1712-1759). Это лицо сначала выполняло функции парижского торгового интенданта, а затем в качестве ответственного чиновника совершало служебные поездки по стране и за границей. Сближение Тюрго с этим выдающимся человеком, ставшим одним из его учителей, повлияло на общее развитие ученика, вооружив его бесценным административным и экономическим опытом. Сближение Тюрго с Венсаном относится к 1755 г. Тюрго имел возможность сопровождать своего патрона в поездках по стране и детально ознакомиться с положением в различных французских провинциях. Гурнэ умер в возрасте 47 лет 27 июня 1759 г. Тюрго написал для официального органа «Французский вестник» обстоятельную биографию «Похвальное слово Венсану Гурнэ». Из неё мы не только получили основные сведения об учителе, но и многое узнаем о том, как формировались взгляды самого автора и ученика — Тюрго. Ниже нам представится возможность подробнее ознакомиться с названным сочинением.

Ранее, в 1758 г. произошла встреча родоначальника физиократического учения Кенэ с Гурнэ и Тюрго. С этого момента в сочинениях Тюрго начинают появляться физиократические идеи. Тюрго не раз заявлял, что считал своими учителями и Гурнэ и Кенэ. Правоверным физиократом он не стал, не желая ограничивать круг общения представителями одной какой — либо школы, поддерживая связь с людьми и кружками различных научных ориентаций (Гольбах, Вольтер, Галиани). И правильно сделал. Тюрго сумел и в политике, и в научном отношении подняться над уровнем физиократов, возвысившись до более содержательной теории.

Дружба с Гурнэ оказалась полезной для самого Тюрго тем, что на него, как на младшего соратника известного государственного деятеля, обратили внимание в правительстве, и это дало положительный толчок его служебной карьере. В 1761 г. он назначен интендантом в Лиможе, в центре Франции. Некоторые историки полагают, что деятельность в Лиможе подготовила более позднее поведение Тюрго на посту министра, а его бескомпромиссная позиция в ранге министра стала прологом к назре-

вавшей революции. И столь смелое утверждение не лишено оснований.

В Лиможе Тюрго реформировал поземельный налог, превратив его из произвольного в подходящий. И «раб судьбу благословил». По всей провинции он учредил так называемые «благотворительные дома», которые имели цель: дать трудоспособным безработным возможность занять свои руки общепольным делом, честно зарабатывая себе на пропитание. Потомки не забыли об этих полезных учреждениях. Они были воспроизведены в ходе французских революций 1789 и 1848 гг. под названием «национальных мастерских».

Тюрго проявил себя принципиальным сторонником свободы торговли, особенно — зерном и мукой, считая, что таков лучший путь к национальному благосостоянию. Имея в виду именно эту задачу, он распорядился распечатать и разослать всем подчинённым ему чиновникам трактат своего друга Трона «Свободная торговля зерном всегда полезна и никогда не вредна». В письме от 15 февраля 1765 г. он призывал всех образованных и влиятельных людей способствовать всеми доступными им средствами пропаганде свободной торговли. В Лиможе интендант провинции сочетал практическую работу с научной. В 1767 г. он представил просвещённой публике на рассмотрение тему «О влиянии косвенных налогов на доходы землевладельцев». В 1768 г. им предложена ещё одна тема: «Каким образом может быть точнее всего вычислен чистый доход от поместий в зависимости от различных способов обработки земли?»

Когда Тюрго после многих лет правления покинул провинцию, многие вздохнули с облегчением. Такие загодя давали понять при королевском дворе, что в провинции этого руководителя ненавидят. На эти пощёлки друг Тюрго Бодо очень метко ответил, что его недоброжелатели принадлежат к высшим классам, зато с тем большим уважением к нему относились представители «низов», но к сожалению они не имели доступа ко двору, чтобы защищать своё мнение.

Ко времени пребывания в Лиможе относится создание Тюрго своего главного труда «Размышления о создании и распределении богатств». Профессор Онкен смело утверждает, что в этом произведении автор предстал «предшественником и даже учителем Адама Смита»². Во всяком случае, признаем, что именно Тюрго олицетворяет верши-

ну достижений французской предреволюционной экономической мысли. В дальнейшем мы обстоятельно рассмотрим основные положения этого замечательного труда.

А пока — что можно с захватывающим вниманием проследить за стремительным развитием административной карьеры Тюрго и её внезапным завершением. В 1774 г. умер король Людовик XV и на престол вступил Людовик XVI — двадцатилетний юноша, совершенно лишённый способности управлять государством. В отличие от двух предшествовавших королей и их некоторых приближённых новый король не был склонен к нарушению нравственных норм. Он держался строгих правил в семейном быту. Чувствуя его отвращение к распущенной придворной жизни, Людовик XV не привлекал юношу к государственным делам, и тот вступил на престол, не имея ни опыта, ни серьёзных познаний. Его единственными увлечениями были охота и слесарное дело. К слесарному делу и многим другим чуждым барству профессиям пристрастился и Пётр Великий. Он был на троне вечный работник, «и мореплаватель, и плотник». Но Пётр не забывал о государственных делах, во всём проявляя неукротимую энергию, и сумел вывести Россию в число величайших европейских держав. А юный французский король, если дело не касалось охоты и его слесарной наковальни, благодушно дремал на любом совещании и благополучно привёл Францию к величайшей буржуазной революции.

Первым министром при новом короле стал немолодой придворный Морепа, бывший когда-то морским министром, другом и покровителем Гурнэ. Тюрго же был известен в качестве наиболее выдающегося ученика Гурнэ. Так началось стремительное возвышение Тюрго. Сначала его назначили морским министром, для проверки — 20 июля 1774 г. А уже 24 августа того же 1774 г. Тюрго переведён на пост министра финансов. В правительстве надеялись, что известный экономист и администратор поможет спасти от окончательного краха королевские финансы, расстроенные бесконечными войнами двух предшествовавших царствований безумной роскошью королевского двора и придворной знати. Новый министр, не теряя времени, взялся за дело. Следовало ограничить непомерные аппетиты двора и его окружения. Расходы королевского двора стали важным пунктом борьбы между властями предрежущими и оппозицией накануне революции. Тюрго надеялся упорядочить финансы государства путём

² Там же. С. 787.

жесткой экономии, уменьшая расходы по сравнению с доходами, погашая государственные долги, к бережливости он собирался принудить также королевский двор. Но не тут-то было. Главным противником его политики оказалась королева Мария-Антуанетта, в своей прежней жизни — австрийская принцесса, выросшая в обстановке развлечений. В Париже она мечтала устроить для себя праздник жизни и вовсе не собиралась экономить государственные средства. Она стала центром притяжения для всех враждебных министру финансов сил. Тюрго, желая подать личный пример бережливости, значительно сократил своё министерское жалование. Но его подчинённые не желали следовать его примеру. Хорошо известно, что чиновники — большие любители существовать как захребетники на теле всякого общества. Они стали врагами своего начальника.

Друзья советовали Тюрго не спешить с проведением задуманных реформ, не вызывать огонь на себя, не ставить под удар представляемое им общественное движение новаторов. На такие увещания он отвечал: у меня мало времени, предвидя, что наследственные болезни скоро сведут его в могилу.

В 1774 г. по инициативе Тюрго был восстановлен закон 1764 г. о свободе хлебной торговли, что вызвало народные волнения. Спекулянты хлебом возбуждали народ против министра финансов, распуская слух, что свобода торговли приведёт к вздорожанию хлеба — основного продукта питания масс. В апреле 1775 г. вспыхнуло восстание в Дижоне. 1 мая 1775 г. народ в Париже двинулся громить хлебные лавки, а затем толпа направилась к Версалю требовать отмены хлебного закона. Тюрго получил на время полномочия военного министра и принял решительные меры для пресечения беспорядков. Но общественное мнение уже решительно поворачивалось против него. Через священников низшего звена, наиболее близких пастве, министр обратился к подданным короля с проповедью смирения, указывая, что Евангелие — закон христианского государства, и напоминая житейскую мудрость: Христос терпел и нам велел. Всё было напрасно.

Тюрго в ранге министра ещё успел продвигать ряд законодательных актов. Один из них: натуральные дорожные повинности, к которым привлекались местные крестьяне со своим инвентарём и тяглом, он заменил денежными сборами с окрестных земельных собственников, то есть — с людей состоятельных. Заметим, что мера

принудительного привлечения крестьян для поддержания дорог в должном порядке, была чисто феодальной. Тюрго поставил на её место рыночный механизм — налог на собственность и привлечение наёмного труда. Сходный процесс имел место в России в новейшее время. В советские годы колхозы страдали от недостатка рабочих рук, и туда принудительно отправляли на помощь студентов, солдат, интеллигентов всякого рода и других работяг. Такая вот достаточно многочисленная, мало производительная, зато дармовая рабочая сила. Но вот советы благополучно ушли в прошлое, а с ними и колхозы с названной принудителькой. А урок из этого таков, по Тюрго, если при рыночной экономике хочешь преуспевать в сельском хозяйстве, изволь платить наёмному работнику достойную заработную плату.

О других законодательных инициативах Тюрго. Он позаботился об уничтожении поборов с торговли хлебом, которые кое-где ещё существовали, в том числе — в Париже. Кроме того, он был инициатором важнейшего решения об уничтожении застарелой феодальной структуры в организации ремесленного труда — цехов, с привилегированным положением мастеров в них. Эта структура с её привилегиями была серьёзнейшим тормозом на пути развития рыночных методов производства и торговли.

Большое впечатление в обществе производили те преамбулы, которые Тюрго предпосылал своим законодательным инициативам. Ранее, эдикты короля предварялись казёнными словами о том, что король принимает закон в силу своего могущества и из-за особого благоволения к французскому народу. Такова смесь высокомерного самодовольства, спеси и ханжества. Преамбулы же, составленные Тюрго, часто разворачивались в настоящие научные трактаты. В них автор нередко доходил до беспощадной критики социальной и экономической политики прежних французских королей и их чиновников. Тюрго настаивал на необходимости максимальной свободы предпринимательской деятельности, как прирождённой, естественному праву каждого человека, и в связи с этим он отмечал от имени здравствующего короля: « С прискорбием убеждались мы в неоднократном нарушении этого естественного права...и справедливости со стороны известных старых институтов и организаций, существование которых не может быть освящено и оправдано ни давностью, ни надеждами, ни даже поступками, исходящими от высших административных лиц...Злоупотребления эти укоренились

мало — помалу. Они представляют собой обыкновенно порождение частных интересов, которые одержали верх над интересами общественными и которые администрация санкционировала, иногда застигнутая врасплох, иногда введённая в заблуждение их мнимой пользой».

Тюрго привёл пример королевского злоупотребления властью в ущерб подданным: король Генрих III придал силу общегосударственного закона таким «тираническим постановлениям, противоположным человечеству ... которые были составлены с жадностью и приняты безо всякого испытания во времена невежества». Так верхи породили иллюзию, «будто право работать было королевским правом, что государь был в состоянии продавать (*vendre*), а подчинённые должны заниматься подкупом (*acheter*). Мы торопимся отвергнуть подобную максиму». Возможность, обязанность и право трудиться, торжественно провозглашал Тюрго, вменены человеку непосредственно самим Богом³. Тюрго указал на ветхозаветную заповедь — «в поте лица будешь есть хлеб». Следовательно, право и обязанность трудиться не зависят от прихотей властей предрежащих. Министр признал это право самым священным и неотъемлемым по сравнению со всякими иными. Как видим, для Тюрго не прошли без пользы годы службы приором в Сорбонне. Сумел — таки крепко подковаться в смысле знания текстов Писания и придать им соответствующий обстоятельствам времени боевой социальный смысл. Профессор Онкен убеждён: мнение Тюрго о прежней политике французских королей в области промышленности заставляет читателя признать её «ложной и несправедливой»⁴. В самом деле, естественное и божественное право открывало свободу для каждого предпринимателя заводить своё дело и преуспевать в нём. И всё это — без всяких бюрократических, административных помех. Такова была страстная мечта каждого представителя третьего сословия, которое Тюрго предал самой широкой огласке и при том с весьма авторитетной трибуны королевского министра и от имени короля. Однако высшей судебной инстанцией того времени во Франции был парламент Парижа. Он отказался зарегистрировать большинство законодательных актов, подготовленных Тюрго в 1776 г. А без этого они не могли стать законами. Таким образом, откровенно буржуазная деятельность министра

финансов зашла в бюрократический тупик. Она увязла в путях правовой системы позднего феодализма. Всё же опубликование преамбул, сочинённых Тюрго, вызвало сильное возбуждение во всём государстве. Верхи мобилизовали свои силы и консолидировались против мятежного министра. Низы же подняли головы и воспрянули в предчувствии долгожданных перемен.

Дело явно шло к изменению позиции короля в отношении своего министра финансов. Если раньше король лишь пассивно наблюдал за деятельностью министра в благом намерении чем — то помочь своему народу и не препятствовал деятельности Тюрго, то теперь он всё больше убеждался в том, что при сопротивлении его двора и его же разветвлённой бюрократии министр не в состоянии оздоровить финансы государства. Если раньше король говаривал с сожалением, что никто не любит народ кроме самого короля и Тюрго, то теперь он стал растерянно повторять, что никто не любит господина министра. Отношения между королём и его министром предельно обострились после того, как Тюрго представил королю проект административной реформы, подготовленный Тюрго с помощью своего друга Дюпона. Этот проект был обнаружен революционерами в королевской резиденции Тюильри 10 августа 1792 г. и опубликован в Париже в 1801 г.

Проект носил революционный характер. До революции муниципалитеты строились по сословному принципу. Представители дворян, духовенства и третьего сословия заседали по отдельности. При этом делегаты от двух высших сословий имели возможность согласовать свои позиции по всем вопросам и принимать решения, неблагоприятные для третьего сословия. Проект, представленный Тюрго, предусматривал ликвидацию сословных делений при формировании муниципалитетов. В проекте предусматривалось предоставить избирательные права всем подданным с годовым доходом с земли не менее 600 ливров. Если учесть, что значительная часть земель разорившихся дворян была уже скуплена городской и сельской буржуазией, то можно было с очень большой долей уверенности ожидать, что именно буржуа будут заправлять в обновлённых муниципалитетах. По проекту муниципалитеты следовало строить как иерархию органов. Внизу — общинные в городах и сёлах, выше — уездные и провинциальные. Наверху — общегосударственное учреждение. Прямой политической власти муниципалитетам предоставлять не предлагалось. Но как учил Ленин: политика есть

³ Там же. С. 794.

⁴ Там же.

концентрированное выражение экономики. В этом и обнаруживалось скрытое антифеодалное жало проекта, который предлагал наделить вновь создаваемые учреждения правом распределять налоги. Буржуа непременно пожелали бы переложить их гнёт на высшие сословия. Знакомство с этим проектом заставило короля, наконец, очнуться от своей благодушной политической индифферентности и определиться, с кем он — с высшими, привилегированными сословиями, или с буржуазией, платящей налоги, желающей от них избавиться и представляемой упрямым и прямолинейным министром. Замечания короля к проекту показывают: Людовик по всему кругу вопросов повёл яростную атаку против всей социальной и экономической политики своего министра финансов. Очевидно, что если король в силу своей неопытности не мог самостоятельно оценить всё значение этой политики, то в его окружении не было недостатка в тех, кто помогал ему разобраться, что к чему. Итак, Людовик даёт развёрнутую критику проекта с позиций старого режима. В проекте Тюрго без устали поучает короля уму — разуму, утверждая, что нельзя слепо держаться «того, что делали наши предки во времена, которые мы сами считаем временами невежества и варварства. Подобный метод ведёт лишь к возбуждению в правителях нежелания выполнять свои важнейшие обязанности...» Король возражает Тюрго от имени всей феодальной Европы: «Не нужно быть очень учёным, чтобы понять, что этот проект составлен с целью дать Франции новую форму управления, а прежние учреждения, в которых автор видит плод столетнего невежества, опорочить. Как будто царствование трёх моих предшественников может быть сравниваемо, справедливым и умным человеком, с правлением периодов варварства и как будто моё государство не этим трём царствованиям обязано тем почётом и положением, которое оно занимает в Европе. Никогда в Европе не дадут себя убедить в том, что эти три царствования были опорой варварства и невежества. Скорее согласятся с тем, что отчасти именно этим трём царствованиям Франция обязана цивилизацией, благами которой она пользуется»⁵.

Тюрго, с одной стороны, и король — с вершины своей власти совершенно чётко сформулировали свои позиции. Они, естественно, видят современное им положение с двух диаметрально противоположных сторон, которые невозможно

оценить однозначно. Каждый из оппонентов приводит весомые аргументы, и они характеризуют расстановку классовых сил перед их решающим столкновением в ходе революции.

Король ссылается на достижения трёх своих предшественников на троне. Речь идёт о царствованиях Людовика XIII (1610-1643), Людовика XIV (1643-1715) и Людовика XV (1715-1774). В самом деле, достижения первой половины этого периода были несомненны. Страна сплотила свою территорию в её естественных границах — от Пиренеев до Рейна и Альп. При Людовике XIII его первый министр Ришелье (1585-1642) приказал срыть все замки сеньоров, не имевшие существенного значения для обороны государства, и простолудины с воодушевлением двинулись крушить эти гнёзда барского своеволия. Ришелье же ликвидировал оплот протестантского сепаратизма в крепости Ларошель в 1629 году. Но он сохранил за протестантами те свободы, касающиеся их вероисповедания, которые им были дарованы в своё время королём Генрихом IV. Отлично поступили оба эти правителя, сохранив для Франции трудолюбивых и весьма полезных для неё подданных. Так нация была сплочена вокруг центрального правительства. Во Франции созрел абсолютизм — позднейшая форма феодализма, положившая конец своеволию знати, сепаратизму провинций. Своей кульминации французский абсолютизм достиг при Людовике XIV, которого иные льстецы не стеснялись славить: «Король — солнце». Его величество желало, чтобы вся знать служила при его дворе, придавая блеск его правлению. Кто не преуспел в этом, подвергался опале. При этом Людовике была достигнута французская гегемония в континентальной Европе. Она связана с завершением Тридцатилетней войны (1618-1648) и заключением Вестфальского мирного договора, оставившего опустошённую Германию разделённой не десятки мелких деспотий, властители которых с почтением и не без опаски взирали на блеск французского королевского двора, на мощь французского абсолютизма, достигшего к тому моменту вершины своего могущества. Французская гегемония была достигнута во многом благодаря политическому искусству первого королевского министра Мазарини (1602-1661). После смерти этого выдающегося политика Людовик XIV объявил, что отныне он будет сам своим первым министром. И он им стал. Но к добру ли?

Светлые грани правления Людовика XIV связаны также с именем его выдающегося министра

⁵ Там же. С. 797.

Кольбера (1619-1683). До своего возвышения Кольбер был доверенным лицом Мазарини, и кардинал, умирая, рекомендовал своего помощника королю, как человека, способного принести несомненную пользу государству. Совет этот не остался бесплодным. С 1664 г. Кольбер, назначенный генеральным контролёром финансов, постепенно распространил свою кипучую деятельность на многие стороны общественной жизни. Он принял меры для процветания государственных мануфактур, привлекая для этой цели в страну опытных иностранных специалистов. Он же проявил заботу о приумножении французского торгового флота и о поощрении компаний, ведущих заморскую торговлю. Что немаловажно для международного престижа и блеска державы, министр способствовал росту наук и искусств такими мерами: основание французской Академии наук, образование совета, который позднее стал Академией надписей, организация французской обсерватории и прочее. Но этот успешный период деятельности Кольбера оказался, к сожалению, кратковременным. После 1671 г. его активность пошла на убыль, ибо король в силу придворных интриг лишил министра своего благоволения.

Заметим, что успехи наук и искусств были заслугой вовсе не абсолютизма, основная социальная природа которого состояла не только в консолидации национальной территории, но и в доведении до логического завершения крепостничества, а равно и в закреплении сословной разобщённости. Расцветом наук и искусств в XVIII в. человечество обязано тому могучему духовному движению, которое принято называть французским просвещением, многие творцы которого, такие как Вольтер, Дидро и Тюрго ясно видели язвы существовавшего режима и стремились к их искоренению. Образованные европейцы рвались в Париж не с целью любоваться пышностью королевского двора, а знакомиться с новостями наук и искусств.

Язвы абсолютизма выступают наружу уже во второй половине правления Людовика XIV. Этот король под конец жизни подпал под влияние иезуитов. Результатом стала отмена Нантского эдикта, дававшего протестантам определённые гарантии от преследований за веру. Это случилось в 1685 г. И десятки тысяч трудолюбивых французов отправились в изгнание обогащать своим умением северные страны Европы, свободные от религиозного фанатизма. Далее упадок французского абсолютизма продолжался почти непрерывно. Людовик XIV, ослеплённый своим показным

величием и упоённый неограниченной властью, почти непрерывно втягивался в династические войны, обрёл многих внешних врагов и подорвал экономику государства. Кризис французского абсолютизма обострился при Людовике XV. В ходе внешних войн Франция утратила почти все свои колониальные владения. Роскошь королевского двора и знати опустошила казну. Очевидным признаком нравственного упадка стал разврат, распространившийся при дворе подобно некоей заразе. Пример подавали сами короли Людовик XIV и особенно Людовик XV и их ближайшее окружение. Явное игнорирование заповедей священного Писания не могло смутить многочисленных германских деспотов, которые скорее жаждали не отстать в распущенности от французского королевского двора. Но проникательные наблюдатели справедливо расценивали чуждые христианству придворные нравы как показатель вырождения высшего света, укоренение в нём гаремных нравов турецких султанов и персидских падишахов. Сам король Людовик XVI, как примерный семьянин, был чужд придворному растлению нравов. Но игнорировать его в полемике с Тюрго, расхваливая правление своих предшественников на троне, он не имел морального права. Но самое главное, что король упустил из виду при оценке положения во Франции, это — крепостная зависимость, в которой находилась добрая половина подданных. Когда Тюрго называл правление предыдущих королей временами варварства, то он прежде всего имел ввиду крепостную зависимость крестьян, наиболее многочисленной и самой угнетённой части третьего сословия. Эта зависимость сформировалась в самые мрачные времена средневековья и стала особенно тягостной в годы абсолютизма, возведшего деспотизм в свой высший закон.

Король, втянувшийся в полемику со своим министром финансов, забыл о рабстве крестьян по банальной причине. Его кругозор едва ли простирался далее Версаля и прилегающих охотничьих угодий. О реальном положении крестьян он, видимо, даже не догадывался.

Полезно охарактеризовать позиции диспутантов под углом зрения истории. Это тем более уместно, что они оба склонны обращаться к историческим примерам в подтверждение своей позиции. Король, выражая интересы Версаля и стоящей за ним аристократии, рассуждает с позиций самодовольной верхушки общества — «высшего света», достигшего того, что желательно, приобретено тем или иным путём. Эти

рассматривают историю от прошлого к настоящему. Для них история завершена. По известному замечанию классика, они рассматривают «заднюю» истории. Такие не желают допустить каких-либо существенных перемен и не готовы поступиться ничем из того, что ими приобретено, из своих привилегий. Буржуазные перевороты в Англии, Голландии, революционные процессы в Северной Америке для этого слоя общества — всего лишь печальные недоразумения, которым они всё ещё в состоянии противостоять мощью своего государства, средствами военными и политическими. Конечно, неприятны для верхов и наскоки новоявленных новаторов, которые видят необходимость перемен и пытаются по мере возможности их проводить. Пример тому: кипучая административная деятельность Тюрго и представленный им проект административной реформы. Но и эти попытки верхи ещё способны подавлять с помощью цензуры и других полицейских средств.

Совершенно иной, прямо противоположный подход к истории обнаруживают эти самые новаторы, столь неприятные приверженцам старого режима. Если новаторы и оглядываются в прошлое, то отыскивают в нём корни современных им социальных бед. С ещё большим прилежанием они вглядываются в будущее и для этого изучают опыт стран, обогнавших Францию в буржуазном развитии, в обретении политической свобод. Именно с целью учиться, овладеть опытом передовых стран Гурнэ совершал поездки в Голландию и приобщался к английскому языку, да и Тюрго не напрасно исследовал новейшую экономическую социальную и политическую литературу и делал переводы с английского. Главный вывод, который новаторы делали, сравнивая жизнь в передовых странах с ситуацией в своём отечестве, сводился к тому кардинальному положению, что Франция нуждается в системных реформах, затрагивающих все стороны общественной жизни. Почва для назревших преобразований созрела. Страна достигла консолидации под властью абсолютизма. Но что дальше? Лично Тюрго отчётливо признавал, исходя из своей передовой экономической теории, что французские провинции объединены лишь формально, властью монарха, но тем не менее в государство отсутствовало единое экономическое и правовое пространство. В каждой провинции — свои особые обычаи, таможенные границы, пошлины и даже — диалект языка. Перебираясь из провинции в провинцию любой

подданный попадал словно в другую страну, в иную обстановку, неся при этом соответствующие серьёзные материальные и моральные потери. Отсутствие свободы торговли и предпринимательской деятельности, понятного всем правопорядка, различные формы личной зависимости, прежде всего — закрепощённость крестьян, всё это сильно тормозило экономический рост Франции и мешало ей в полной мере использовать свои естественные преимущества в конкурентной борьбе со своими соперниками в мире. Те же самые причины препятствовали нации отрешиться от провинциальных ограниченностей, сплотиться воедино и заявить о своих суверенных правах, как это было сделано позднее в славном лозунге «Свобода, равенство и братство».

Все, выше обрисованные, аспекты ситуации в стране неумолимо всплывали в ходе дискуссии по поводу предлагаемых новшеств. Тюрго и Дюпон имели ввиду перенести тяжесть налогообложения на привилегированные слои. Его величеству этот замысел представляется крайне опасным. Он предположил, что намерение Тюрго поручить самим землевладельцам распределять налоги «легко может вызвать совершенную пустоту государственной казны». «Созвать земельных собственников моего королевства и потребовать от них, чтобы они вотировали возлагаемые на них налоги, — значит призвать их к сопротивлению против этого». Король при этом сослался на своего министра, который заметил, что «поступление налога обеспечено только тогда, когда он взимается по приказанию лиц, которых этот налог мало или совсем не затрагивает»⁶. Министр, помянутый королем, — это сторонник жёстких полицейских мер некий Террэ. В качестве надсмотрщика над печатными органами он выносил предупреждения, штрафовал, закрывал издания, уклонявшиеся от официальной линии, а в финансовой сфере он же поощрял королевских интендантов выколачивать из населения угнетавшие его налоги самыми крутыми мерами.

Вместо того, чтобы призывать себе на помощь мнение такого реакционера, его величеству лучше было бы обратиться к примеру революций в Англии, Голландии и Северной Америке. Узость кругозора мешала королю осознать, что вопрос о сборе налогов был коренным во всех этих общественных переворотах. Франция не стала исключением. Тюрго вместе с Дюпоном пытались пояснить это

⁶ Там же. С. 799.

обстоятельство королю, но в том не преуспели. Но кто не умеет или не хочет учиться у истории, того она влечёт силой событий. А куда она тащит упирающихся, на это Людовику указал тот же Тюрго (о чём немного ниже).

Вернёмся к английскому примеру. Как там распределялись и собирались налоги во времена Людовика XVI? ...Великобритания была уже буржуазным государством с первыми зачатками парламентской демократии. Её парламентаризм предполагал, что решения о сборе налогов принимала нижняя палата парламента — палата общин, состоявшая из богатейших людей государства — крупнейших земельных собственников (лендлордов), перестроивших своё хозяйство на буржуазный лад, и прочих предпринимателей. Таких мы поныне чествуем как олигархов. Вот они-то и решали вопрос о том, согласиться или нет с запросом правительства о субсидировании того или иного мероприятия. Естественно, что парламентарии соглашались на удовлетворение подобных обращений только в том случае, если цели правительства совпадали с их личными, буржуазными интересами. Такими мерами могли быть, например, строительство военных кораблей для защиты национальной территории или английского торгового судоходства и многое другое. При всём том суть была такова, что парламентарии, с одной стороны, голосовали за сбор налога на приемлемые цели, а с другой стороны — они же и уплачивали большую часть его в казну уже в качестве богатейших подданных короны. При таком раскладе государственная казна Великобритании никогда не могла оказаться пустой, если, конечно, речь шла о жизненно важных для страны интересах, понимаемых по буржуазному. Парламентарии облагали налогом в первую очередь свой карман.

Сходным образом поступили в 1612 г. Минин и его соратники, сурово обойдясь с самими собой в тяжелейшее для Руси смутное время, понимая неизбежность принимаемых ими мер по самообложению.

Естественно, английская палата общин не тратилась на роскошь своего королевского двора, как это было в Париже. Содержание английского королевского двора палата общин свела к минимуму. Но тот всё же не бедствовал, ибо у него имелись собственные источники дохода — с коронных земель, используемых по буржуазному, от прямого или косвенного участия в различного рода предпринимательстве.

В то время, когда за проливом с юным энтузиазмом взростающего капитализма предавались обогащению всеми доступными средствами, чем были заняты высокопоставленные французские диспутанты — антагонисты? У них речь зашла о правопорядке в их отечестве. Тюрго в своём проекте отметил, в качестве недостатка, что структура провинций разнородна в смысле чересполосицы нравов и обычаев, что делало единство государства иллюзорным. Людовик выставил в ответ такое соображение: так, при таком разнообразии местных укладов центральному правительству легче управлять всеми. Мы не смеем отрицать в соображениях его величества определённой логической стройности. На его стороне сила прочно укоренившихся традиций. В самом деле, когда подданные соседних местностей разобщены чуждыми друг другу обычаями, им труднее объединиться для совместных действий. Разделяй и властвуй! Естественно, что король был готов стоять горой за такой «порядок».

На стороне короля традиция выступает ещё вот в каком, более общем смысле. Традиция — величайшая консервативная сила. Население, особенно если оно не слишком грамотно и достаточно темно, всегда опасается подвоха от властей, ожидая, что те в очередной раз хотят поживиться за его счёт, и предпочитает держаться привычного, к которому люди притерпелись и научились при нём ловчить. А если начинают ломать старое, то кто поручится, что сделается лучше, а не хуже. Ведь при реформах могут даже начаться народные волнения. Последующие события подтвердили подобные соображения. Реакционеры постоянно поднимали тёмные массы против революционного Парижа то с юга, а то с востока — из Вандеи. Тюрго настойчиво проводил мысль о том, что властям следует озаботиться о формировании единообразного государственного правопорядка. Он по сути дела упрекает монарха в ретроградности такими словами: «Причина зла, Ваше Величество, заключается в том, что у вашей нации нет никакой конституции». Это замечание бьёт не в бровь, а в глаз приверженцам старого режима, которые не делали ни малейшей попытки заимствовать что-то подходящее из опыта передовых стран... Да и какие основания имелись считать иные государства передовыми? Возражение короля на замечание Тюрго не лишено не только язвительности, но и достаточного понимания сути дела. Монарх утверждает: «Это глубоко огорчает господина Тюрго. Новаторам

нужна Франция, превосходящая в этом отношении даже Англию»⁷. Это королевское «даже» весьма характерно. Его величество сознавало, что в отечестве нарастало кое-какое беспокойство, порождаемое любителями реформ, взявшими для себя в качестве примера ту самую Англию. Но к этому беспокойному соседу у французского короля не имелось оснований благоволить. Это был опасный соперник на международной арене, отобравший у Франции её североамериканские колонии и жестоко их эксплуатировавший. Да и в своём внутреннем правопорядке Великобритания была далека от совершенства. В нём сохранялось много архаичного.

Раз зашла речь о британской конституции, то полезно взглянуть на то, как она сформировалась. В этом деле каждый шаг вперёд брался с бою сильными мира сего в их противодействии королевскому произволу. Начало было положено в глубоком средневековье. К 1215 г. бароны, то есть крупнейшие феодалы сильно озлобились на короля Иоанна за производимые им конфискации земель и денежные поборы. К тому же самому времени король умудрился поссориться с папой римским, и тот отлучил его от церкви, что освобождало подданных от повиновения ему. Воспользовавшись этим, бароны, сговорившись с законами городов, предъявили Иоанну ультиматум, и тот вынужден был подписать документ, названный «Великой хартией вольностей». В нём король клялся именем Бога от лица своего и всех своих преемников на троне «на вечные времена» не покушаться на права церкви, взимать налоги лишь «по общему совету королевства нашего», оберегать вольности городов, предоставив свободу торговли их купцам внутри страны и вне её за традиционные пошлины. Контроль за исполнением клятвы возложили на 25 баронов.

Следующий немаловажный акт британской конституционной драмы разыгрался при Генрихе III. Этот король не желал подчиняться требованиям «Великой хартии», и в стране вспыхнула гражданская война. Дралась лет пять (1263-1267). Затем и этот король уступил, согласившись на создание первого британского сословного представительного учреждения. Так возник английский парламентаризм. Верхняя палата — палата лордов — составила из баронов и высших церковных сановников. А низшая — палата общин — избиралась: по два представителя от графств и крупных

городов. Парламенту предоставлено неслыханное право давать согласие (или отказывать в нём) на введение новых налогов и принятие законов⁸.

В таком виде парламент пережил многих своих королей различного нрава. Но вот на английский трон в 1603 г. пришла династия Стюартов из Шотландии. Эти были прямыми потомками Вильгельма Завоевателя и имели очень высокое призвание править самовластно, подражая в этом королям французским. Они нарушали права парламента. Второй из Стюартов Карл I довёл конфликт с непокорным парламентом до открытого разрыва и до гражданской войны. В ней он был разгромлен Кромвелем, выдающимся полководцем и реорганизатором армии, и был казнён в 1649 г. как изменник родины. После смерти Кромвеля в 1658 г. один из его генералов Монк не нашёл ничего лучшего, как пригласить на английский престол в 1660 г. сына казнённого Карла I тоже Карла, укрывавшегося до этого во Франции от революционных событий. Этот правил в 1660-1685 гг. При нём начали складываться парламентские партии: тори поддерживали короля, виги составляли оппозицию. Карл II начал преследовать тех, кто принимал активное участие в революции. Но оппозиция, опираясь на «Великую хартию вольностей», добилась в 1679 г. принятия закона о личной неприкосновенности: Habeas corpus act. Это ещё один важнейший конституционный документ.

При следующем короле Якове II наступила, наконец, решительная развязка. Этот король начал назначать на высшие государственные посты католиков. Это встревожило и вигов и тори, так как они были традиционными протестантами. Они вместе обратились к голландскому штатгальтеру Вильгельму Оранскому с просьбой защитить протестантскую веру. В 1688 г. тот высадился с войском в Англии. Яков II бежал. Вильгельму предложили британский трон. Прежде, чем его занять, ему пришлось подписать «Билль о правах» в 1689 г., вошедший в основы британского конституционного права. Этот документ резко ограничил власть короля, который со временем утратил управленческие функции. Тот же документ надёжно защитил права парламента: его обязательный регулярный созыв, полную свободу слова в ходе парламентских прений и прочее. Но что документ оставил без изменений, так это безнадежно устаревшую, типично средневековую избирательную систему.

⁷ Там же. С. 798.

⁸ Загладин Н.В., Симония Н.А. Всеобщая история. М.: Русское слово, 2007. С. 184-186.

Избирательные округа были установлены некогда в старые времена. Сохранялась масса так называемых «гнилых местечек» — городишек, утративших своё значение в ходе бурного исторического развития, но всё ещё посылавших своих представителей в парламент. Избирательными правами пользовались лишь подданные с самым высоким имущественным и социальным статусом. Голосование при выборах было открытым, что допускало давление на избирателей со стороны администрации и прочее. Одним словом, поучительного в этой избирательной системе было мало⁹.

Французские новаторы, конечно, мечтали о создании парламента в своём отечестве. Однако, совершенно ясно, что этих самых новаторов никак не могла увлечь обветшавшая британская избирательная система и что они предпочли бы кое-что более свободное от средневековых реликтов. Но кроме конституционной сферы существовала ещё область частного права. Здесь британская система являла ещё более дремучий лес. Помимо дошедших из глубины веков статутов и прочих норм, частный правопорядок Англии того времени регулировался ещё совокупностью судебных прецедентов. Это означало вот что: если было вынесено однажды судебное решение по какому-либо определённом делу, то оно, это решение, бралось за образец при рассмотрении аналогичных юридических споров и при принятии по ним решений. Можно представить, как при разнообразной общественной жизни в Англии судебная практика бурно наращивала массу таких прецедентов, и те превратились в своего рода заболоченный водоём, в котором крючкотворам — юристам стало очень удобно ловить рыбку в мутной водичке. Требовалось нечто, вроде геркулесова труда, чтобы расчистить авгиевы конюшни британской юриспруденции. Не меньше усилий понадобится и для переворота в правопорядке прекрасной Франции. Когда её король Людовик XVI язвительно заметил о проекте Тюрго, что новаторам нужна конституция совершеннее английской, он говорил с пониманием сути дела. Именно к этому они стремились. Придёт время, и они достигнут своей цели. А если не они сами, то это сделают их потомки и духовные восприимчивики.

К представительному учреждению, задуманному Тюрго, король не пожелал скрыть своей глубокой антипатии и напрямик заявил, что не допустит

никакого ограничения своей абсолютной власти и что он готов прибегнуть для её защиты к самым крайним, последним средствам. Его величество определённо проникло в суть противостояния со своим упорным министром финансов, когда оно утверждало, что идея предложенной реформы «может оказаться роковой для монархии, которая абсолютна только вследствие того, что её авторитет неделим. С момента учреждения такого представительства единственным посредником между королём и его нацией является армия, и чрезвычайно достойно сожаления, что последней приходится вверить охрану государственного авторитета от собрания французов»¹⁰.

Эти соображения монарха показательны во многих отношениях. Прежде всего, он в ходе полемики всего более приходил к осознанию того неприятного для него обстоятельства, что значительная часть нации, если не подавляющая её часть, всё более укреплялась в противопоставлении себя королевскому правительству. В таких условиях согласиться на созыв представительного учреждения на условиях Тюрго, означало бы придать противостоянию между правительством и нацией неприкрытую форму. Тогда властям осталось бы уповать только на вооружённую защиту. Именно это и произошло в ходе вскоре начавшейся революции. Похоже, что Людовик XVI, вольно или невольно, предугадал и предсказал кардинальный факт вскоре происшедшей революции. Именно насилие, вооружённая рука станет в её развёртывании решающим фактором, определяющим основные контуры событий. Догадаться об этом было не так уж и сложно. Перед глазами постоянно маячил пример английской революции, где важнейшие вопросы были решены армией. Ведь неспроста же высокопоставленные спорщики с такой готовностью обращались к английскому образцу. Король мог бы ещё сообразить и то, что попытка правительства опереться на силу против народа и его избранных немедленно породит соответствующую ответную реакцию: насилие — это обоюдоострое оружие. И в таком случае, на чьей стороне окажется перевес?

В своё время английский канцлер лорд Бэкон, изучив опыт мировой истории, пришёл к такому выводу: в гражданской войне с обеих сторон сражаются равные по доблести люди, но верх берут те, у кого ту же набита мощна и кто способен приобрести

⁹ Уколова В.И., Ревякин А.В. Всеобщая история. М.: Просвещение, 2009. С. 287-288.

¹⁰ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 799.

лучшее вооружение. Вот так: деньги — главный нерв гражданской войны. А между тем и под пятой абсолютизма французская буржуазия успешно наращивала свою экономическую и финансовую мощь. В силовом столкновении с абсолютизмом буржуазные революционеры сполна подтвердили справедливость проницательной максимы Бэкона. Но абсолютизм во Франции ещё жив и не спешит к своему концу. Новаторы возжелали национально-бессловного собрания на основе имущественного ценза. Монарх такому проекту вызывающе противопоставил все силы своего режима, утверждая, что в таком случае «старая Франция, именно: знатные лица государства, парламенты, штаты провинций, старшины, купеческие комитеты, советники — все они, в свою очередь, собирались бы и протестовали, чтобы узнать преступление, вызвавшее их отставку»¹¹. Глава государства очень кстати задумался о преступлении сил старой Франции. Для Тюрго ответ на этот вопрос был совершенно ясен: старые силы мешали отечеству стряхнуть с себя оковы феодализма, освободить путь бурному потоку свободного предпринимательства. Старые силы не позволяли развить на полную мощь пребывающие втуне, дремлющие возможности. И это — тягчайшее преступление перед государством и народом. Королю такая постановка была как — то невдомёк. Незрелый духовно юноша, не успевший стать зрелым мужем, с апатичным характером, добрый от природы, он хотел быть хорош ко всем — и старых не обидеть, и новым в чём — то уступить. Но желанию сидеть одновременно на двух стульях, временам классовых компромиссов, характерных для эпохи становления абсолютизма, история готовила скорый конец. Она также обещала суровое возмездие всем силам старого режима, которые не были готовы сдавать свои позиции без боя. В стране нарастала революционная ситуация, к оценке которой очень уместно приспособить слегка изменённые слова Маяковского: феодализм «одряб и лёг у истории на пути, в мир, как в свою кровать. Его не объехать, не обойти. Единственный выход — взорвать». Величайшая буржуазная революция стояла у порога.

А между тем король, увлечённый полемикой, отважился дать психологический портрет своему министру финансов. Он убеждён, что идеи Тюрго — это «красивая грёза» и «утопия» человека, который полон благих намерений, но который тем не менее «может способствовать ниспроверже-

нию существующего порядка». Эти рассуждения, продолжает высочайший автор, — «в высшей степени опасны», что нас «побуждает бороться с ними»¹². В приведённых рассуждениях монарх усердно мешает истину с заблуждением, и здесь следует разобраться. Согласимся с королём в том, что творчество Тюрго вело к ниспровержению существовавшего режима. Министр разрабатывал буржуазные воззрения и по мере возможности пытался проводить их в жизнь. Но как раз в его теории не содержалось ничего утопического. А что до грёз, то новаторам мечтать полезно. Прежде чем похоронить феодализм на деле, нужно расквитаться с ним в сознании. Тюрго располагал вполне реалистическим и достаточно полным знанием положения дел в стране, с которым он ознакомился в ходе поездок по провинциям совместно со своим учителем и старшим другом Гурнэ ещё в 1650-е гг. Тюрго наметил необходимые пути преобразования французской экономической и социальной действительности. Эти пути были верны, и за это ручалась его передовая теория. Главное же, что обнадёживало Тюрго и придавало ему предпринимчивой отваги, — ощущение мощной поддержки со стороны отечественных буржуа, пришедших в сильное возбуждение в ожидании благоприятных перемен. Идеи Тюрго и его единомышленников, укоренившиеся в головах буржуазных революционеров, стали как раз той самой реальной силой, которая вопреки жесточайшему сопротивлению реакции оказалась способной разрушить старые порядки.

Впрочем, в чём — то король, попрекнутый министра в утопизме, оказался прав, а именно в том, что Тюрго, может быть, несколько наивно понадеялся, что буржуазные преобразования можно совершить сверху, полагаясь на такого монарха, как Людовик, человек политически недостаточно зрелый, нерешительный и ленивый. Психологический портрет своего супруга дополнила королева Мария-Антуанетта. Когда её брат Иосиф II стал австрийским императором, он посетил Париж и убеждал сестру влиять на французского короля, склоняя его содействовать видам австрийской политики. Позднее она признавалась: как я могу на него влиять, если он утром говорит одно, а вечером совершенно иное, и при этом не замечает противоречия между своими мнениями.

Чтобы произвести буржуазные преобразования «сверху», требовался человек непреклонной

¹¹ Там же. С. 800.

¹² Там же

воли типа Кромвеля, который к тому же опирался на преданную ему и победоносную армию. Но Кромвель в своё время и в своём отечестве доказал своё решительное превосходство в гражданской войне. Во Франции на тот момент не нашлось бы ни такого человека, ни подходящего войска. Французской армией руководили офицеры из дворян, и в таком качестве она была пригодна не для слома старой государственной машины, а лишь для её защиты. Но придёт время коренной ломки старого, начнётся своя, французская гражданская война и одновременно ожесточённое противодействие иностранным интервентам, и революционеры разовьют бешеную энергию, формируя свои массовые армии. А жгучие потребности времени извлекут из народной среды и талантливых организаторов, и выдающихся полководцев-победителей. Так будет. Во времена же Тюрго лишь зрело семя грядущего и не в последнюю очередь в его отчаянно смелых попытках проломить стену королевской бюрократии. Тюрго производит на нас впечатление метеора, павшего с небес и взбаламутившего то затхлое осиное гнездо, в которое он попал.

Всё более убеждаясь в том, что у него исчезает взаимопонимание с юным монархом, Тюрго решил обратиться к своему высочайшему оппоненту с письмом. Да и король, со своей стороны, наконец-то убедился в том, что Тюрго — чужеродное тело в правящей среде, иного поля ягода. Как — никак этот государь был прирождённым детищем версальского двора, опутанным по рукам и ногам его нравами и интересами.

Итак, Тюрго решил отправить монарху письмо, и их кратковременный «служебный роман» приобрёл эпистолярный характер. Это случилось в апреле 1776 г. Дерзость ставшего известным позже этого послания изумляет. Невольно приходит на память поступок пушкинской Татьяны, отважившейся отправить любовное обращение к своему кумиру Онегину. И в этом случае смелости требовалось немало. Впрочем, девушка надеялась: «Но мне порукой ваша честь, и смело ей себя вверяю». В случае с Тюрго речь шла не о девичьей репутации, а о важнейших государственных делах. Тем не менее, проникнув в душевные качества монарха за краткий срок их общения и уяснив его сильные и слабые стороны, проницательный Тюрго позволил себе положиться на порядочность самодержца. И не прогадал. Письмо же было вот какого содержания: «Для Вашего управления самое необходимое — это сила воли.

Не забывайте, Сир, что именно слабость привела Карла I на эшафот»¹³. Заметим, что Тюрго требовал слишком многого от бедного Людовика. В самом деле, не мог же тот действовать вопреки своей внутренней природе и против всех сил старого режима. Но для Тюрго это уже было несущественно. Он шёл напролом, бросая на чашу весов последние аргументы.

Что касается английского короля Карла I, то его супругой была французская принцесса, католичка. Воспитанная во Франции при королевском дворе, она энергично поощряла своего благоверного действовать на французский манер, самовластно. Тот не проявил ни характера, ни ума, чтобы отыскать приемлемый компромисс, довёл дело до гражданской войны и угодил на эшафот в 1649 г.

Интересный вопрос: не предсказал ли Тюрго Людовику XVI его трагический конец? И не вспомнил ли этот монарх, всходя в 1793 г. на эшафот, о предостережении, брошенном ему когда — то сгоряча его бывшим министром финансов? Как бы то ни было, самодержец в 1776 г. обнаружил редкую сдержанность и порядочность, идя навстречу отчаянной мольбе Тюрго сохранить содержание его послания в тайне. Но порядочность в личных отношениях не искупает слабости Людовика как главы государства.

Король более не пожелал видеть Тюрго. Надо полагать, он был глубоко уязвлён тем, что его доверием так бесцеремонно злоупотребил его чиновник. Монарх предложил Тюрго, через своего министра Бертена, уйти в отставку. Она состоялась 20 мая 1776 г. Может показаться, что Тюрго легко отделался. Другой монарх, с более крутым характером, отправил бы самого мятежного министра на эшафот или хотя бы пожизненно упрятал его за решётку. Вспомним, что Людовик XV сажал в тюрьму энциклопедистов (Дидро, Кенэ) всего лишь за опубликование новаторских идей. Но на самом деле отставка оказалось для эксминистра тяжёлым психологическим ударом. Прежде всего, были искоренены все прогрессивные начинания. Его друг Дюпон в письме от 8 сентября 1779 г. сетовал на то, что после отставки Тюрго от его реформ не осталось и следа: свобода хлебной торговли уничтожена, цеховые учреждения восстановлены и пользуются прежними привилегиями, сельское население вновь страдает от дорожных повинностей и прочее. Но этого мало. Цензоры получили

¹³ Там же. С. 801.

строжайшее предписание не пропускать в печать ничего, что касалось Тюрго, его дел и планов. Общество пытались заставить забыть об опальном эксминистре или представить его сумасшедшим. Для тех, кто жил при советской власти в бывшем «нерушимом союзе», этот мотив знаком: тогда всякого инакомыслящего ждал если не расстрел или концлагерь, то «психушка». Всё это заставляет задуматься: насколько был опасен для властей этот человек, и как они его боялись!

Но к гонениям Тюрго был готов. Такова участь всякого новатора. Вольтер, например, бежал от гонений в Англию, а затем скрывался от ищущих на границе со Швейцарией в качестве — фернейского отшельника. И Тюрго стойко перенёс невзгоды. Маркс дал очень высокую оценку его делам на посту министра финансов, утверждая, что Тюрго — «радикальный буржуазный министр, деятельность которого была введением к французской революции». «Тюрго пытался предвосхитить мероприятия французской революции» (Теории прибавочной стоимости¹⁴). Маркс указал на меры Тюрго, направленные на устранение цеховой организации промышленности и прочее. Последние годы жизни Тюрго полностью посвятил научной работе. Главный её результат за этот период — доработанный вариант одного из лучших его сочинений: «Похвала Венсану Гурнэ». Ниже мы обстоятельно остановимся на основных положениях этой работы. Пока же отметим, что профессор Онкен справедливо называет это произведение хвалебной оценкой всего поколения новаторов — современников и единомышленников Тюрго, упорно трудившихся, вопреки всем административным препонам, в интересах подготовки буржуазного преобразования своего отечества¹⁵.

Тюрго скончался, надломленный наследственными болезнями, обострёнными напряжённым административным и научным трудом — 20 марта 1781 г. Но покинуло этот бранный мир только тело учёного, а его дело и дух продолжали бороться. Вкратце отметим, как это происходило.

Так как система экономии, намеченная некогда Тюрго, была сорвана сопротивлением реакционных сил, правительство не нашло ничего лучшего, как вернуться к прежней практике накопления государственного долга. В министры

финансов пригласили женеvского банкира Неккера (1732-1804). В Париже он тоже действовал, как это принято у банкиров, прибегая к займам, и в своё первое министерство (1777-1781) успел резко увеличить государственный долг. Но он осмелился опубликовать отчёт о министерских расходах. Из отчёта явствовало, сколь громадные средства поглотила роскошь королевского двора, главной же растратчицей предстала королева. Напомним, что Тюрго убеждал короля сократить расходы своих близких, но не был услышан. В правительстве предание гласности сведений о растрате двором казны расценили как нарушение служебной этики, и Неккера тотчас же уволили. Но положение продолжало ухудшаться, государственный долг перевалил за 1 миллиард ливров. Страна стояла на пороге экономического краха. В 1778 г. Неккера вновь пригласили в правительство. Но на этот раз он повёл себя очень дальновидно, выговорив для нации согласие верхов на созыв Генеральных штатов, которые не собирались уже 175 лет. Таким образом идея национального представительного собрания, которую король в прошлом отверг в споре с Тюрго, начала осуществляться. Неккер накануне нового 1789 г. предупредил нацию, что её ждёт завидный новогодний подарок¹⁶. А подарок оказался вот каким: указ короля от 24 января 1789 г. установил право участвовать в избирательных собраниях «всех жителей городов, местечек и деревень, родившихся во Франции или натурализовавшихся, достигших двадцатипятилетнего возраста, имеющих определённое место жительства и включённых в податные списки»¹⁷. Раз речь зашла о податных списках, то, естественно, на первый план выступил имущественный ценз. Дело в том, что в это время Франция была наводнена нищими, которые побирались по городам и весям и с которых нельзя было получить никакого налога. Вот они-то и были отсечены от выборов. В ходе революции они составили самую беспокойную часть населения, всегда готовую к мятежу. Но имущественный ценз был важен ещё вот в каком отношении. Он открывал доступ в Генеральные штаты преимущественно для состоятельных буржуа, которые превосходили окружающих энергией и образованностью и, как таковые, давно впитали прогрессивные мысли просветителей — Вольтера, Дидро, Руссо и не в последнюю очередь идеи Тюр-

¹⁴ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1955. С. 33.

¹⁵ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 802.

¹⁶ История Франции. М.: Крафт, 2009. С. 38-39, 169.

¹⁷ Тьерри О. Избранные сочинения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 3.

го, Дюпона и других философов — экономистов. Такие буквально сгорали от жажды коренных перемен. Напомним, что Тюрго ещё в 1776 г. предлагал принять имущественный ценз за основу при проведении муниципальных выборов.

Заметим, что правящие круги уступили Некеру и в его требовании предоставить в созываемых Генеральных штатах третьему сословию в два раза больше мест (600), чем каждому из двух привилегированных (по 300). Генеральные штаты собрались 5 мая 1789 г. На сторону депутатов от третьего сословия перешли приходские священники, которым были понятны и близки чаяния низов, и кое-кто из сознательных дворян. Таким образом, непривилегированная часть депутатского корпуса с самого начала получила перевес. Представители высших сословий выказали своё обычное, издревле им присущее, чванство и отказались участвовать в совместных заседаниях с депутатами от простонародья. А между тем с мест приходили наказания избирателей, требовавших от своих представителей решительных действий. И такие действия последовали. 17 июня депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием на том основании, что они представляли 96% нации. По подсчётам новаторов высшие сословия едва насчитывали 200 тысяч человек. Им противостояли не менее 25 миллионов низов. В этот критический момент король вспомнил о своем аргументе в споре с Тюрго, что в конечном счёте посредником между королём и представи-

тельным собранием французов окажется армия, и стал стягивать в Париж войска. В ответ восстала парижская беднота, королевские арсеналы разграбили, буржуазия вооружилась. Бастилию — символ и оплот деспотизма взяли штурмом и разрушили (14 июля). Создали национальную гвардию. В провинциях тоже начались народные восстания. Король, как всегда, проявил нерешительность и уступил восставшим¹⁸.

4 августа Национальное собрание отменило сословные и местные привилегии, крепостную зависимость, церковную десятину, особые преимущества городов и корпораций. Все французы объявлялись равными перед законом, обязанными платить государственные налоги, правомочными замещать гражданские, военные и церковные должности. Все эти решения были нацелены на преобразования, начатые ещё Тюрго. Но формальное провозглашение прав и свобод — это далеко ещё не повсеместное и добровольное их осуществление. Впереди маячила неоглядная перспектива беспощадного противоборства, и многие выкажут готовность пролить море крови не только чужой, но и своей собственной, и каждый из них — за какую-то особенную «правду». В соперничестве падут миллионы. Об их участии не грех по-христиански скорбеть и надеяться на небесное спасение их душ. Но ведь недаром говорится, что земная жизнь есть борьба, и в связи с этим тезис Маркса о революциях как локомотивах истории не следует упускать из виду.

Список литературы:

1. Данте. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. М.: Наука, 1968.
2. Данте. Малые произведения. Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: Наука, 1968.
3. Загладин Н.В., Симония Н.А. Всеобщая история. М.: Русское слово, 2007.
4. История Франции. М.: Крафт, 2009.
5. Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008.
6. Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Госполитиздат, 1949.
7. Маркс К. Капитал. Том 2. М.: Госполитиздат, 1949.
8. Маркс К. Капитал. Том 3. М.: Госполитиздат, 1949.
9. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1955.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955.
11. Михаленко Ю.П. Дюпон де Немур: распространение физиократических идей в условиях борьбы европейских держав за преобладание // Философия и культура. 2011. № 7. С. 155-182.
12. Михаленко Ю.П. Франсуа Кенэ — родоначальник физиократии // Философия и культура. 2010. № 7. С. 83-104.
13. Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. Том 2. М.: Художественная литература, 1986.

¹⁸ История Франции. М.: Крафт, 2009. С. 170-172.

14. Тьерри О. Избранные сочинения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
15. Тюрго А. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
16. Уколова В.И., Ревякин А.В. Всеобщая история. М.: Просвещение, 2009.
17. Шекспир У. Венецианский купец. Комедия. СПб: Азбука-классика, 2009.

References (transliteration):

1. Dante. Bozhestvennaya komediya / Perevod M. Lozinskogo. M.: Nauka, 1968.
2. Dante. Malye proizvedeniya. Kommentarii I.N. Golenishcheva-Kutuzova. M.: Nauka, 1968.
3. Zagladin N.V., Simoniya N.A. Vseobshchaya istoriya. M.: Russkoe slovo, 2007.
4. Istoriya Frantsii. M.: Kraft, 2009.
5. Kene F, Tyurgo A. Dyupon de Nemur. Fiziokraty. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya. M.: EKSMO, 2008.
6. Marks K. Kapital. Tom 1. M.: Gospolitizdat, 1949.
7. Marks K. Kapital. Tom 2. M.: Gospolitizdat, 1949.
8. Marks K. Kapital. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1949.
9. Marks K. Teorii pribavochnoy stoimosti. M.: Gospolitizdat, 1955.
10. Marks K., Engel's F. Sochineniya. Tom 3. M.: Gospolitizdat, 1955.
11. Mikhalenko Yu.P. Dyupon de Nemur: rasprostraneniye fiziokraticheskikh idey v usloviyakh bor'by evropeyskikh derzhav za preobladaniye // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 7. S. 155-182.
12. Mikhalenko Yu.P. Fransua Kene — rodonachal'nik fiziokratii // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 7. S. 83-104.
13. Pushkin A.S. Sochineniya v trekh tomakh. Tom 2. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
14. T'erri O. Izbrannye sochineniya. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
15. Tyurgo A. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
16. Ukolova V.I., Revyakin A.V. Vseobshchaya istoriya. M.: Prosveshchenie, 2009.
17. Shekspir U. Venetsianskiy kupets. Komediya. SPb: Azbuka-klassika, 2009.

Продолжение в следующем номере.